



НОВАЯ КЛЕВЕТА НА ПУШКИНА.

По поводу очередного открытія Н. О. Лернера.

Прочестъ новыя, еще неизвѣстныя намъ, строки Пушкина—великая радость. Каждый разъ съ сердечной признательностью встрѣчаемъ мы изслѣдователя, которому посчастливилось разыскать стихи или замѣтку Пушкина, ускользавшую до сихъ поръ отъ вниманія. Такой благодарностью обязаны мы за послѣдніе годы П. О. Морозову (интереснѣйшіе отрывки о декабристахъ, записанные криптограммой)¹⁾, П. Е. Щеголеву, М. Цявловскому и нѣкоторымъ др.

Но, чтобы дѣйствительно найти „новаго Пушкина“, надо много трудиться: надо разбирать архивы старыхъ лѣтъ, просиживать дни надъ пушкинскими бумагами, пересматривать забытыя изданія начала прошлаго вѣка. Между тѣмъ „открывать“ пушкинскія вещи очень лестно: журналы и газеты охотно предлагаютъ свои страницы для статей съ такими открытіями и, вѣроятно, щедро оплачиваютъ ихъ гонораромъ. Въ неосвѣдомленной прессѣ имя „открывателя“, независимо отъ содержанія его „открытія“, повторяется съ разными похвальными эпитатами: „извѣстный“, „неутомимый“ и т. д. Соблазнъ великъ, и находятся лица, ищущія болѣе легкихъ путей для „открыванія“ новыхъ пушкинскихъ строкъ.

Къ такимъ лицамъ, къ нашему удивленію, присоединился Н. О. Лернеръ, уже именуемый и „неутомимымъ“ и „извѣстнымъ“. Въ области пушкиновѣдѣнія за г. Лернеромъ числятся нѣкоторыя заслуги и, прежде всего, составленная имъ подробная „хронологическая канва“

¹⁾ Были воспроизведены въ „Русс. Архивѣ“ 1910 г.

жизни Пушкина. Но съ нѣкотораго времени г. Лернеръ, оставивъ въ сторонѣ кропотливыя изслѣдованія, усердно занимается тѣмъ, что легкимъ путемъ „обогащаетъ“ русскую литературу все новыми и новыми страницами будто бы Пушкина.

Методъ г. Лернера весьма простъ. При Пушкинѣ, какъ и въ наши дни, многія журнальныя статьи появлялись безъ подписи автора. Статьи эти были напечатаны *при жизни Пушкина*; въ нихъ идетъ рѣчь объ томъ, что Пушкинъ *могъ знать*; въ сужденіяхъ статей нерѣдко встрѣчаются мысли, *сходныя* съ тѣми, какія высказывалъ Пушкинъ (что въ этомъ удивительнаго, при огромномъ авторитетѣ и вліяніи Пушкина на его современниковъ!); наконецъ, въ языкѣ статей бывають *тѣ же обороты*, какія употреблялъ Пушкинъ (что естественно, такъ какъ языкъ каждой эпохи имѣетъ свои отличительныя черты, общія всѣмъ писателямъ того времени, не исключая и геніевъ). Такихъ соображеній г. Лернеру кажется достаточно, чтобы побѣдоносно заявлять: *сльдовательно* такая-то статья написана Пушкинымъ!

Г. Лернеръ, такимъ упрощеннымъ способомъ, уже „открылъ“ цѣлый рядъ Пушкинскихъ статей въ „Литературной Газетѣ“, при чемъ всѣ доказательства (авторства Пушкина) сводились именно къ указанію на совпаденіе отдѣльныхъ выраженій и отдѣльныхъ сужденій въ этихъ статьяхъ съ тѣмъ, что есть въ сочиненіяхъ Пушкина. Уже нѣкоторыя изъ этихъ первыхъ „открытій“ г. Лернера возбуждали самыя серьезныя сомнѣнія, но, по крайней мѣрѣ, приписанныя Пушкину статьи были вполнѣ литературны, не противорѣчили рѣзко образу великаго поэта¹⁾. Но... анонимныхъ статей въ „Литературной Газетѣ“ оставалось все меньше и меньше, а желаніе „открывать“, должно быть, все росло и росло у г. Лернера. И вотъ передъ его новымъ, очереднымъ „открытіемъ“ остается уже не подымать научный споръ, а воскликнуть въ самомъ справедливомъ негодованіи: „Quousque tandem!“

На этотъ разъ приписана Пушкину²⁾ рецензія на трагедію Н. Станкевича „Василій Шуйскій“, помѣщенная анонимно въ „Лите-

1) Статьи эти собраны въ VI т. соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова. По отношенію одной изъ нихъ авторство Пушкина позднѣе, дѣйствительно, подтвердилось документально. Относительно нѣкоторыхъ другихъ *можно* допустить, что онѣ были написаны или поправлены Пушкинымъ (хотя все же включеніе ихъ въ „сочиненія Пушкина“ представляется намъ произвольнымъ). За этими исключеніями, остается еще рядъ замѣтокъ и статей, приписанныхъ г. Лернеромъ Пушкину уже на самыхъ шаткихъ основаніяхъ.

2) См. статью Н. Лернера, „Журналъ Журналовъ“, февраль 1916 г., № 9.

ратурной Газетъ“ 1830 г. Рецензія настолько дѣтски-беспомощна, написана такимъ плохимъ, часто неправильнымъ, языкомъ, что самое появленіе ея въ журналъ Дельвига представляется страннымъ. Нечего и говорить объ томъ, что этотъ языкъ ничѣмъ не напоминаетъ строго, чеканнаго стиля пушкинской прозы. Приписывать такія строки Пушкину есть почти-что кощунство.

Но пусть судятъ сами читатели. Мы воспроизводимъ всю рецензію, останавливая вниманіе (курсивомъ и замѣчаніями въ скобкахъ) на особенно характерныхъ фразахъ, счесть авторомъ которыхъ Пушкина можно только или при полномъ невѣжествѣ или при неподобающемъ отношеніи къ вопросу. Замѣтимъ, что невѣждою г. Лернера (въ области изученія Пушкина) мы никакъ не считаемъ.

Итакъ, вотъ эти будто бы написанныя Пушкинымъ строки:

„Василій Шуйскій. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Николая Станкевича. М. въ тип. Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1830. (107 стран. въ 8-ю д. л.)

„Трагедія: Василій Шуйскій, со всѣми ея несовершенствами, *есть очень пріятное явленіе* въ нашей Литературѣ. Мы слышали, что Авторъ оной шестнадцати лѣтъ (кажется, по-русски говорятъ: „*автору* шестнадцать лѣтъ“!) Начало раннее, но прекрасное! Это не *безотчетливо* (употребилъ ли Пушкинъ хотъ разъ такое слово?) снизанная изъ звучныхъ стиховъ *повѣсть или такъ называемая поэма*. (Что же это значить? развѣ Пушкинъ не отличалъ повѣсти въ стихахъ отъ поэмы? не самъ ли онъ издалъ, въ 1835 г., два тома своихъ стиховъ, озаглавивъ ихъ „Повѣсти и поэмы“ и назвавъ, напр., „Руслана и Людмилу“ — поэмой, а „Домикъ въ Коломнѣ“ — повѣстью? и откуда бы явилось у Пушкина такое гоненіе на „повѣсти, снизанныя изъ звучныхъ стиховъ“?) Трудъ, совершенный Господиномъ Станкевичемъ, *есть по выраженію Художниковъ, трудъ Академическій*. (На какихъ-такихъ „Художниковъ“ съ большой буквы ссылается Пушкинъ, чтобы назвать трагедію нелѣпымъ наименованіемъ „труда Академическаго“, тоже съ прописной буквы?) Онъ (кто „онъ“? по контексту; — „трудъ“; такъ ли писалъ Пушкинъ?) попробовалъ силы свои на предметъ, ожидающемъ еще писателя зрѣлаго и великаго (что же это Пушкинъ намекаетъ на себя самого, говоря, въ свое время, о „писателѣ великомъ“?), и показалъ исполненіемъ, что можетъ сдѣлать истинный талантъ въ

его лѣта (кстати сказать, трагедія—очень слаба). (*Тихи везет хороши* (на самомъ дѣлѣ, почти вездѣ—плохи), *чувствъ много* (какое пушкинское выраженіе: „чувствъ много“!) и двѣ-три сцены счастливо *соображены* („соображены“?) Но отъ *историческаго Трагика* (выраженіе „историческій трагикъ“—не плеоназмъ ли въ пушкинское время?) требуется большаго. Онъ долженъ воображеніемъ оживить людей, знакомыхъ намъ изъ преданій, обнаружить характеры *илъ* (т. е. преданій? одинъ или два примѣра такого промаха у Пушкина найти можно, но вѣроподобно ли, чтобы онъ чуть не на каждой строкѣ,—см. примѣры дальше,—спотыкался на мѣстоимѣніяхъ „онъ“, „его“, „ихъ“?), раскрыть тайны *илъ* (опять „преданій“?) сердець и, искусно *дополнивъ промежутки жизни* („дополнить промежутки жизни“! вѣдь это же верхъ недѣлости! въ лучшемъ случаѣ можно „заполнить промежутки“), извѣстной намъ только отрывками, достойными памяти народной („отрывки, достойные народной памяти“,—изящно, нечего сказать!), озарить яркимъ свѣтомъ лица и дѣйствія, остающіяся въ Исторіи загадочными. Возьмемъ для примѣра характеръ Шуйскаго, замѣчательнѣйшій въ Русскихъ лѣтописяхъ, блѣднѣйшій въ безжизненномъ романѣ: Дмитрій Самозванецъ. (Похожъ ли на Пушкина такой неумѣстный выпадъ противъ Булгарина?) *Онъ* (и опять: кто „онъ“? по контексту, —Дмитрій!), какъ Протей (неужели Пушкинъ не понималъ безвкусія такого сравненія?), поминутно измѣняется на политическомъ своемъ поприщѣ. То видишь *его* (т. е. „поприще“?) лъстцомъ и участникомъ въ злодѣяніи страшномъ, то тайнымъ заговорщикомъ, то раскаявшимся преступникомъ, то явнымъ врагомъ Самозванца, то Царемъ слабымъ, то великимъ (вообще „великимъ“ или „Царемъ великимъ“? это, конечно, —мелочь, по которую, среди другихъ несовершенствъ стіля, тоже стоитъ отмѣтить) и, наконецъ, сверженный съ престола и слѣпый. является онъ (хорошо ли построеніе фразы: „То видишь его“ тѣмъ-то и я тѣмъ-то „и, наконецъ“ является онъ“?) трогательнымъ образцомъ *страдальца невиннаго и благороднаго*. (А эта постановка прилагательныхъ послѣ существительнаго? не манера ли это запоздалаго подражателя Карамзина, а вовсе не Пушкина!) Кто пойметъ эту *душу многочувствовавшую* (тоже, да и что за словечко: „многочувствовавшій“! чуть-чуть не „рѣзвоекать“!). тотъ *ризуемъ многообразный* (не по-Карамзински ли?)—Трагикъ, но въ пору зрѣлости своего таланта, изучившій и обдумавшій дѣла *людей давнопрошедшихъ* (опять! „давнопрошедшіе люди“—новое для Пушкина выраженіе!) и *жизнь настоящую* (т. е. „подлинную“ или „теперешнюю“?) и *испытанный всѣмъ пружинами сердца* („испытать пружины“—это ли пушкинскій языкъ?). *дарованнаго человеку муромъ Провопиіемъ*. (Какая

вопіющая пошлость! развѣ не кощунство увѣрять, будто Пушкинъ, умный, тонкій, гениальный, высказалъ такую плоскость: „мудрое Провидѣніе даровало человѣку сердце“(!!))

„Ошибки молодого Поэта (съ большой буквы)—ошибки его возраста; характеры не поняты и едва обрисованы, *обычаи не соблюдены* (какіе „обычаи“? эпохи Василя Шуйскаго или, напр., обычаи драматической поэзіи? свойственно ли Пушкину писать такъ не точно?) и *предпріятія* (!) истинно поэтическія не выполнены. (Что это значитъ? о какихъ „предпріятіяхъ“, во множеств. числѣ, говоритъ авторъ рецензіи? Пушкину ли, съ его „кристально-ясной“ прозой выражаться такъ приблизительно!) Есть нѣсколько погрѣшностей противъ языка и въ особенности противъ слоудареній. Напримѣръ, слово, ненависть, во многихъ мѣстахъ трагедій, употреблено съ удареніемъ, ему не свойственнымъ, на второмъ слогѣ: нена́висть. Все это *поправится* (будетъ исправлено? или авторъ научится избѣгать подобныхъ ошибокъ?) въ свое время; желаемъ только Автору (съ большой буквы) терпѣнія и *страсти* (?) *безослабно* (?) *себя усовершенствовать* (надобно было сказать: „совершенствовать“), и *надѣмся отъ него большихъ успѣховъ* („надѣмся успѣховъ“! вѣдь это же безграмотно!) *на просторномъ* (!!)*полѣ Русской драматургіи*“. („Просторное поле драматургіи“! Найдите что-либо подобное въ подлинныхъ сочиненіяхъ Пушкина! да и вообще вся послѣдняя фраза обличаетъ автора въ полномъ неумѣннн писать: ей одной достаточно, чтобы самое предположеніе объ авторствѣ Пушкина показалось смѣшнымъ, —но до смѣха ли, когда такое предположеніе выставляется серьезно!)

Пушкинъ—„солнце нашей литературы“. Языкъ и стиль Пушкина, по справедливости, признаются образцовыми. Какъ же осторожно должно вводить въ „сочиненія Пушкина“ новыя страницы, особенно такія, принадлежность которыхъ великому поэту не можетъ быть доказываема никакими документальными данными! Для читателей неопытныхъ, для „малыхъ сихъ“ можетъ возникнуть великій соблазнъ—принять и эти сомнительныя строки за „канонъ“ языка, стиля, вкуса. А что же сказать о приписываніи Пушкину явно не принадлежащаго ему произведенія, притомъ почти безграмотнаго и глубоко бездарнаго!

Нѣтъ сомнѣнія,—у Пушкина, и въ стихахъ и въ прозѣ, встрѣчаются „погрѣшности противъ языка“. Но развѣ есть въ подлинныхъ произведеніяхъ Пушкина хоть одна страница, такъ испещренная

грамматическими ошибками и стилистическими неловкостями, какъ рецензія, перепечатанная г. Лернеромъ! Развѣ можно указать въ сочиненіяхъ Пушкина, въ самыхъ случайныхъ его наброскахъ, въ простыхъ письмахъ, дружескихъ и дѣловыхъ, на такое убожество мысли, какое обнаруживаетъ авторъ рецензіи! Кромѣ того, выраженія рецензіи—вульгарны, обороты рѣчи—безвкусны, сужденія—ничтожны или повторяютъ сказанное другими. А г. Лернеръ не только приписываетъ рецензію Пушкину, но еще, словно насмѣхаясь надъ читателями, говорить о ея „благородномъ, важномъ языкѣ!“

Повторяемъ: невѣждою г. Лернера въ пушкиновѣдѣніи мы не считаемъ; человѣкомъ, абсолютно лишеннымъ вкуса,—также. Между тѣмъ статья, которую г. Лернеръ выдаетъ теперь за пушкинскую, опираясь на нѣкоторый авторитетъ, пріобрѣтенный своими прежними, дѣйствительно, серьезными работами по изученію великаго поэта,—такова, что не надо быть знатокомъ, эрудитомъ, тонкимъ цѣнителемъ, чтобы видѣть нелѣпость такого предположенія. Каждый образованный человѣкъ, всмотрѣвшись, пойметъ (читатели въ томъ убѣдились), что подобная статья Пушкинымъ написана быть не могла. И тогда возникаетъ вопросъ, что же побудило г. Лернера взвести эту клевету (не умѣемъ иначе назвать) на великаго поэта. Мы желали бы, но затрудняемся, дать на такой вопросъ—отвѣтъ снисходительный.

Мало того. Приписывая Пушкину безграмотную рецензію, г. Лернеръ бросаетъ тѣнь и на свои предшествовавшія „открытія“. До сихъ поръ мы готовы были вѣрить, что г. Лернеръ, щедро отдавая Пушкину анонимныя замѣтки изъ старыхъ изданій,—добросовѣстно заблуждался, увлекаемый желаніемъ—собрать всѣ строки, къ которымъ, *можетъ быть*, прикасалась рука великаго поэта. Нѣкоторые и прежнія „аттрибуціи“ г. Лернера казались намъ весьма сомнительными. Но мы оправдывали его соображеніемъ, что во всякомъ дѣлѣ простибельны и неизбѣжны заблужденія и увлеченія. Однако, приписать Пушкину рецензію „Литературной Газеты“ на трагедію Станкевича—не есть заблужденіе и не есть увлеченіе: это—ничто совершенно иное...

Мартъ 1916 г.

Валерій Брюсовъ.

